

телей островов». Другие только вносили раскол в среду креолов, служа интересам индивидуалистов и благоприютству появлению литературы, раболепствующей перед португальскими хозяевами. Третьи были явно антинародными, и их использовали те, кто хотел удержать наш народ в повиновении. Теперь, наконец, в сознании нашей молодежи произошел резкий перелом.

Он ознаменовался реалистическим и тщательным анализом подлинных стремлений и нужд народа... Были отброшены всякие колебания и нерешительность.

Почетное место среди этой молодежи, всецело принадлежащей родной земле и глубоко убежденной в том, что наше будущее неразрывно связано с судьбой всей Африки, занимает Каобердиану Дамбара.

Я считаю, что его поэзия — самая выразительная, самая боевая и самая подлинная поэзия из всего того, что когда-либо было написано на креольском языке.

В ней — наш народ, с его страданиями, с его отчаянием, с его протестом, с его борьбой.

Она — голос островов Зеленого Мыса, стоящих на пороге новой эры».

И вот этот страстный голос трибуны и патриота звучит с маленьких страниц сборника, утверждая право своего народа на национальное самоопределение, доказывая существование национальной поэзии островов Зеленого Мыса. Поэт обращается в первом стихотворении «ко всему миру», к своим вековым поработителям — в стихотворении «Белый», к своему африканскому брату — в стихотворении «Черный островитянин». Он воспевает национальное знамя, черную звезду на красно-желто-зеленом фоне, то знамя, под которым сражаются бойцы народно-освободительной армии. Он рассказывает и об африканском традиционном празднестве в стихотворении «Батук», разбивая давние утверждения португальских колонизаторов о том, что жители островов Зеленого Мыса не являются африканцами. Здесь много говорится об африканской ночи, о ночи как о символе рабства, о ночах острова Сан-Томе и о ночах Зеленого Мыса. Но и на этих мрачных

страницах имя Патриса Лумумбы звучит как тамтам, призывающий к борьбе и к единству.

И словно подтверждая то, что сказал Иоти Кунта о молодом авторе, Каобердиану Дамбара ясно определяет свои задачи патриота и борца в стихотворении «Поэзия»:

Поэзия — кровь и страдания народа.
Народа-раба, голодного, нищего
и угнетенного...

Поэзия — голос Восстания
И голос Свободы!

Л. НЕКРАСОВА

О СПОСОБНОСТИ ВЕШАТЬ ЗА НОГИ

David Magarshack. Dostoevsky. New York, Harcourt Brace and World, 1963.

«Неразвитость, тупость, пожалейте, среда», — настаивал адвокат мужика. Да ведь их миллионы живут и не все же вешают жен своих за ноги! Ведь все-таки тут должна быть черта... С другой стороны, вот и образованный человек, да сейчас и повесит».

Ф. М. Достоевский. «Среда».
(Из «Дневника писателя»)

К сожалению, с некоторым запозданием мы ознакомились с добротной оформленной книгой, изданной одной из солидных нью-йоркских фирм, с книгой, в которой автор — Давид Магаршак — прилагает усилия, чтобы «повесить за ноги» Федора Михайловича Достоевского. Содержание книги «Достоевский» скромно сводится к критико-биографическому очерку; она носит скорей компилятивный, чем исследовательский характер. Львиная доля страниц книги посвящена личной жизни Достоевского, причем Д. Магаршак говорит об этом без вкуса и меры, не проявляя уважения к памяти писателя Главным же пороком книги, на наш взгляд, безусловно является невнимание к Достоевскому — художнику и мыслителю. И как бы широко автор ни цитировал документы, письма, свидетельства, может быть, мало знакомые Западу, ему не удается выйти из черного круга вульгарной навязчивости, основанной, видимо, на протестко-обывательском понимании великого.

Неуместность подобного рода наукообразных «творческих биографий», потрафляющих испорченному вкусу надуманной «изюминкой», совершенно очевидна. И если ощутить беспокойство — один ли тут такой Магаршак, — то естественно возникает законная мысль о том, как далеко находится все это за пределами неизменного в нашем отечестве уважения к классической мировой литературе.

В статье «Буржуазные критики о Достоевском» * Д. Заславский говорил: «Несколько десятилетий назад на Западе подчас по-

* «Иностранная литература» № 7, 1956.

являлись статьи и монографии о Достоевском, написанные, правда, без глубокого понимания социальной основы его творчества, но по крайней мере добросовестно, с настоящим уважением к памяти писателя. В отдельных старых работах буржуазных ученых есть любопытные наблюдения над мастерством Достоевского, попытки определить его место в мировой литературе. Современная буржуазная критика о Достоевском, как правило, не может порадовать даже частными замечаниями. Эта критика прежде всего вульгарна». Оценка эта, высказанная десять лет назад, относилась к таким, например, «исследователям» Достоевского, как Р. Фюльп-Мюллер, выступивший еще в 20-е годы, и к тем, кто выступили позднее, будь то Ч. Пэссадж, М. Кодем или Авраам Ярмолинский. Эта оценка вполне применима и сегодня к Д. Магаршаку.

Объем этой статьи позволяет лишь бегло остановиться на частных обстоятельствах, и мы надеемся, нам простят некоторую сухость дальнейшего. Инженеру-конструктору, механику, разумеется, нелегко обсуждать вопросы совсем другой специальности, при этом предвзятость или пристрастие будут старательно обойдены, несмотря на то, что, кроме общественной, признаем, нами движет и личная побуждающая причина.

Прежде всего дадим слово зарубежной критике.

В Ученых записках университета в городе Провиденс (штат Род-Айленд, США) преподаватель факультета славянской литературы и языков, научный сотрудник университета Дональд Фэнгер почти в самом начале своей критической статьи о книге Д. Магаршака «Достоевский» пишет: «В целом эта книга скучна, небрежно написана; автор ее беспринципен и злобно придиричив к гению, которого он хоть и признает, но не показывает». Четко разбирая ряд примеров, доказывающих произвол автора, Д. Фэнгер особо подчеркивает слабость методологии книги: «То, что сначала может восприниматься лишь как бездоказательное предположение, через несколько страниц появляется в качестве будто уже установленного биографического факта...» В рецензии Джозефа Фрэнка, напечатанной в «Нью-Йорк ревью оф букс», читаем: «Трудно прийти к заключению о понимании Магаршаком Достоевского, потому что, сказать правду, понимания этого не существует». Дж. Фрэнк приходит к выводу, что если убрать наименование книги Магаршака «Достоевский», то, прочтя ее, можно было бы вынести представление, будто вместо автора нескольких величайших романов в ней описан какой-то софист, какое-то жадное, злобное и плаксивое ничтожество, «действовавшее всю жизнь исключительно по эгоистическим и бесчестным соображениям».

Дональд Фэнгер проживает в США, Джозеф Фрэнк — во Франции. Имеется схожесть в их занятиях, но лично они, нам это известно, не знакомы. Однако смысл их

отзывов на книгу Д. Магаршака «Достоевский» почти идентичен: оба они признают в ней единственное достоинство — некоторое количество хорошо переведенных на английский язык писем Ф. М. Достоевского и других материалов, до этого не бывших известными на Западе.

Отвлекаясь в сторону, приведем для иллюстрации лишь несколько произвольно извлеченных из текста забавных примеров, чтобы читатель мог сам судить о «подкованности» Магаршака, учитывая, разумеется, его многолетнее внимание к русской классической литературе:

1. Поручик Пирогов объявляется персонажем из гоголевского «Портрета» (Д. Магаршак, кажется, первым перевел на английский язык «Невский проспект», и, следовательно, кому же, как не ему, ведать, откуда взялся гоголевский поручик?). Но может быть, это лишь досадная описка?

2. В «Униженных и оскорбленных» Магаршак выделяет как героя некоего Али (можно догадаться, что вместо Ивана Петровича героем объявляется Алеша — молодой князь Валковский). Это уже и не описка, и не неточность.

3. Магаршак совершенно убежден (и четырежды утверждает это на стр. 343, 344, 348, 350), что «Подросток» Достоевского был напечатан в журнале «Современник» (40—50-е годы, Некрасов — Панаев). Однако известно, что «Подросток» впервые публикуется в «Отечественных записках» (70-е годы, Некрасов — С. Щедрин), а затем был издан отдельно, по договору писателя с книгоиздателем Кехрибарджи.

4. Испепелив все положительное в самом Достоевском, Магаршак дает тоже отрицательную, «черную» характеристику «Анне» — второй жене писателя (Анне Григорьевне Достоевской), одной из замечательнейших русских женщин, его верному другу и бесценно самоотверженной помощнице.

5. В библиографическом «Приложении», кстати составленном Магаршаком бог знает по каким соображениям, показаны как самостоятельно изданные труды сравнительно небольшие статьи Д. Заславского, В. Кирпотина и Я. Строчкова, всшедшие, как составное, в сборник «Творчество Достоевского» (издание Академии наук СССР, 1959 г.), зато не упомянуты авторы серьезных книг, к примеру укажем всего двоих — М. Бахтина (СССР) и К. Мочульского (Франция).

Отечественную науку давно не удовлетворяет буржуазная западная славистика. Является ли Д. Магаршак дитятей этой буржуазной славистики, незрячим, неразумным дитятей, или же пороки этой славистики держатся именно на таких магаршаках? Нам кажется, что тут налицо взаимосвязь, взаимозависимость, и, не внося ясность в эту функциональность, нам не удастся ответить на поставленный вопрос — какими судьбами могут появляться подобные плоды буржуазной славистики?

Считал бы нас коренной британец лояльными, учтывыми к достоинству его отечества, если бы мы бездоказательно ошельмовали жизнь (с детских лет и до гробовой доски) великого Чарльза Диккенса или Джонатана Свифта? А именно этим и занимается Д. Магаршак. Безудержное желание всячески очернить облик Достоевского настолько очевидно выпирает со страниц книги Магаршака, что не только вследствие поклонения фрейдистскому «божеству» он даже детскую, удалую игру «в лошадки» (которой, по свидетельству брата Андрея, живя в деревне, увлекался мальчик Достоевский) старательно, но совершенно безосновательно окутывает отвратительной надуманно-скабрезной пеной. К чести Англии, установим, что мы еще ни разу не встречали ничего подобного в английском издании; не потому ли Магаршак сыскал охотника до своего писания за океаном?

Пожалуй, на Западе, за последние три — три с половиной десятилетия ни об одном писателе всемирного значения не писалось столько случайной или нарочитой напраслины, как о Достоевском. И Магаршак, может быть, в этом не один из самых худших и, во всяком случае, — не единственный.

Уже в последней четверти XIX века Достоевский широко привлек внимание Европы своими произведениями как художник-психолог громадного мастерства, аналитик больной человеческой души, как социальный мыслитель. На рубеже столетий среди западной интеллигенции возник и ширился моральный кризис, приводя ее к беспорядочным и беспокойным исканиям, главным образом среди тех, кто не решался произносить вслух великое и в то же время страшное для многих слово — Революция. Нравственные искания Достоевского, его жажда социальной справедливости и вместе с тем растерянность, трагическое восприятие мира, страх перед грядущим социальным переворотом — все это ассоциировалось у немалой части западной интеллигенции с ее собственными метаниями и тревогами. Все это создало предпосылки для устойчивого, и даже усиливающегося с годами, интереса к наследию Достоевского. Литературоведы, публицисты, социологи буржуазного мира по-своему эксплуатируют этот интерес, трактуя творчество великого писателя односторонне или предвзято, а подчас и просто потрафляя обывательскому любопытству.

После мировой войны 1914—1918 гг., после Октябрьской революции и революционной волны значение Достоевского, немало поддержанное русской белой эмиграцией, вдохновленной Д. Мережковским, Н. Бердяевым и др., скачкообразно возросло, и интерес к его жизни и творчеству переклестнулся из Европы на континенты за океаном, Отдельные высказывания

писателя и даже его произведения стали там цитироваться и извращаться.

К началу 20-х годов, идя навстречу повывшемуся интересу к произведениям и жизни Ф. М. Достоевского, его дочь, Любовь Достоевская, отважилась заложить первый камень в основание извращенно-произвольных, даже вымышленных в деталях, биографических и творческих характеристик своего отца. Любовь Федоровна к этому времени уже давно проживала в странах Западной Европы, вздорно разойдясь со своими родственниками в России, не исключая матери и единственного брата, и отчужденно относясь к своей родине. Книгу «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской» трудно не назвать одной из вреднейших книг во всей гигантской библиографии о Достоевском, главным образом оттого, что она как бы разрешила возникновение множества других подобных ей сочинений, произвольно множая домыслы об интеллектуальной и личной жизни великого писателя. И если Л. Ф. Достоевская погрешила против убеждений от безвыходного своего материального положения, то для Д. Магаршака нет даже этого извинения. Еще более симптоматично то, что на последних шестидесяти (из 400!) страницах Д. Магаршак лишь частично и мимоходом касается значения Достоевского-художника, и то только на отрезке последних лет его жизни. На 388-й странице Магаршак восьмью строками захлопывает над Достоевским гробовую крышку — ни слова далее о литературном наследии, оставленном миру Достоевским, о все большем распространении влияния произведений писателя, о колоссальных тиражах его книг, о гигантской библиографии, посвященной Достоевскому и написанной учеными всех континентов. Сцена и экран, живопись и скульптура — все оставлено даже без упоминания. Иначе пришлось бы говорить о широчайшем распространении Достоевского, но, видимо, в «рабочий план» Магаршака это, не по странной же случайности, как раз и не входит.

Итак, оценивая усилия Давида Магаршака, мы держимся совершенно определенных суждений. Предвзятость, односторонность, невнимание к творчеству писателя тут налицо. Советский человек не может принимать подобное «творчество». Нашему пониманию чужд предрешенный субъективизм, произвольно приправленный вымыслом нужного направления, — это типичная черта «газетчины» в капиталистическом мире, притом в самой ее вульгарной форме. Подлинного Достоевского мы никогда никому не отдадим, как бы ни подвешивали его за ноги всевозможные горе-исследователи!

А. ДОСТОЕВСКИЙ